

УДК 811.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-2-222-229

ПРОСТРАНСТВО ДОМА КАК ФРАГМЕНТ МИРА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Э. Г. Манукян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Пространство дома, наряду с пространством церкви и природы, является составляющей мира священнослужителей в прозе А.П. Чехова. В пространстве дома они раскрываются в той мере, в какой не могут раскрыть себя в церковном пространстве ввиду определенных принятых правил и норм поведения, наложенных на их сан. **Актуальность исследования** состоит в том, что пространство как фрагмент мира персонажей-священнослужителей в произведениях Чехова недостаточно изучено с лингвистической точки зрения. **Научная новизна работы** заключается в анализе лингвистических средств, раскрывающих взгляд Чехова на мир священнослужителей вне церкви. **Цель:** провести лингвистический анализ пространства дома и выявить функции, которые это пространство выполняет в мире священнослужителей. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили избранные текстовые фрагменты прозаических произведений А.П. Чехова: повесть «Степь», рассказы «Письмо», «Кошмар», «Архиерей», «У предводительши». В работе использованы следующие методы: лексико-семантический анализ, дискурсивный анализ, описательный метод, метод интерпретации текста. **Результаты исследования, обсуждения.** Внецерковное закрытое пространство – дом, в который Чехов помещает священнослужителя, имеет ряд функций, представляющих мир персонажа: показывает его с другой стороны, без следования правилам, которые диктует ему сан; раскрывает эмоциональное либо физиологическое состояние, характер, то есть репрезентирует человека рефлексиирующего. Помимо этого, пространство дома выполняет еще одну функцию – служит местом проведения православного религиозного обряда, что позволяет говорить о том, что данное пространство может замещать традиционное пространство церкви. В бытовом пространстве священнослужители реализуют исповедальную интенцию, что является отражением их внутреннего эмоционального состояния, либо назидательную интенцию, что соотносится с их саном. **Заключение.** В прозе А.П. Чехова священнослужитель, который пребывает в пространстве дома, совмещает в себе две ипостаси: предстает в первую очередь как рефлексиирующая личность, выражающая физическое, эмоциональное состояние, а во вторую очередь – как сан, лицо духовное. При этом священнослужители вольно или невольно коррелируют в себе эти две ипостаси. Таким образом, можно говорить о том, что пространство дома в полной мере отражает мир священнослужителей, их человеческую натуру.

Ключевые слова: Чехов, священнослужители, пространство дома, исповедальная интенция, назидательная интенция, функции, рефлексиирующая личность

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Манукян Э.Г. Пространство дома как фрагмент мира священнослужителей в прозе А.П. Чехова // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 2. С. 222–229. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-2-222-229>

THE SPACE OF THE HOUSE AS A FRAGMENT OF THE WORLD OF CLERGYMEN IN CHEKHOV'S PROSE

E. G. Manukyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The space of the house, along with the space of the church and nature, is a component of the world of clergymen in A.P. Chekhov's prose. In the space of the house, they reveal themselves to the extent that they cannot reveal themselves in the church space due to certain accepted rules and norms of behavior imposed on their ecclesiastical rank. **The relevance** of the study lies in the fact that, space as a part of the world of clergy characters in Chekhov's works hasn't been sufficiently studied from a linguistic point of view. **The scientific novelty** of the work lies in the fact that the linguistic means that reveal Chekhov's view of contemporary clergymen and describe their non-church life are investigated. **Objectives:** the main objective of the study is to provide a linguistic analysis of the space

of the house and to identify its functions in the world of clergymen. **Materials and methods.** The research materials are the selected pieces from Chekhov's works, such as the novel "The Steppe", the short stories "Letter", "Nightmare", "Bishop", "At the Marshal of the Nobility". The research was conducted by the means of lexical-semantic analysis, discourse analysis, descriptive method and text interpretation method. **Research results, discussion.** The house, as a non-church closed space, has several functions that represent the world of the character. It shows clergymen from a different point of view as they do not follow the rules dictated by the church; it reveals the emotional or physiological state of the character and represents the reflecting person. In addition, the space of the house has another function – it serves as a venue for Orthodox religious rites, which suggests that this space can replace the traditional space of the church. In the everyday space, clergymen implement a confessional intention, which is a reflection of their inner emotional state, or an edifying intention, which corresponds to their ecclesiastical rank. **Conclusion.** The priest in the space of the house reveals two identities: firstly, he appears as a reflective person in particular physical and emotional state, and secondly – as a spiritual person who holds an ecclesiastical rank. At the same time, clergymen, willingly or unwillingly, correlate these two hypostases in themselves. Thus, the space of the house fully reflects the world of clergymen and their human nature.

Keywords: Chekhov, clergymen, space of the house, confessional intention, edifying intention, function, reflective person

The author declares no conflict of interests.

For citation: Manukyan E.G. The space of the house as a fragment of the world of clergymen in Chekhov's prose. *Vestnik of the Mari State University*. 2021 vol. 15, no. 2, pp. 222–229. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-2-222-229>

Введение

Исследователь Н.Н. Морозова пишет, что понятие пространства «является одним из базовых, ключевых для человека; это одна из основных форм бытия» [7, с. 355]. Бытовое пространство – дом – служит тем местом функционирования священнослужителей в прозе Чехова, которое помогает реализовать иной взгляд на священнослужителей. Бытовой дискурс священнослужителей происходит в пространстве дома. Концепт *дом* относится к разряду ключевых в русской языковой картине мира. Чеховские священнослужители, пребывая в пространстве дома, раскрываются в большей степени, чем это было бы возможно в церковном топосе: вне церкви священнослужитель позволяет себе выйти из того образа, который диктует ему следовать правилам и нормам, предусмотренным самим саном и, конечно, церковно-религиозными канонами.

В таких рассказах, как «Кошмар», «Письмо», «У предводительши», «Архиерей», в повести «Степь» действия разворачиваются в пространстве вне церкви: вертикальные координаты церкви в данном случае сменяются горизонтальными связями частной жизни.

Актуальность исследования состоит в том, что в филологических науках пространство как фрагмент мира персонажей-священнослужителей в произведениях Чехова является темой, которая

требует большого внимания как со стороны лингвистического анализа, так и литературоведческого. Научная новизна работы заключается в том, что в статье анализируются лингвистические средства, с помощью которых описывается внецерковная жизнь священнослужителей в прозе Чехова, что помогает раскрыть взгляд писателя на русское духовенство.

Пространство дома в повести «Степь»

В повести «Степь» Чехов дает полное и развернутое описание комнаты в доме Мойсея Мойсеича, куда приехал отец Христофор:

«Немного погодя Кузьмичов, о. Христофор и Егорушка сидели уже в большой, мрачной и пустой комнате за старым дубовым столом. Этот стол был почти одинок, так как в большой комнате, кроме него, широкого дивана с дырявой клеенкой да трех стульев, не было никакой другой мебели. Да и стулья не всякий решился бы назвать стульями <...> Комната казалась мрачной. Стены были серы, потолок и карнизы закопчены, на полу тянулись щели и зияли дыры непонятного происхождения (думалось, что их пробил каблуком все тот же силач), и казалось, если бы в комнате повесили десяток ламп, то она не перестала бы быть темной <...> Пахло в комнате чем-то затхлым и кислым».

Данное описание дома характеризуется следующим рядом прилагательных: *мрачный, темный, серый и пустой*. Состояние стен и вещные детали – наполнители пространства – отображают бедность, запущенность дома. В этой комнате проходит диалог отца Христофора с Мойсей Мойсеичем и Соломоном на разные темы. При обсуждении бытовых вопросов о. Христофор представлен простым, наивным и смешливым человеком.

«О. Христофор захохотал судорожно, до слез и поднялся. – А я ему и говорю: «Бог с ним, с этим сжатым воздухом!» – выговорил он сквозь смех и махнул обеими руками».

С другой стороны, в данном пространстве происходит не только обыденный разговор, но поднимаются также серьезные темы, например, вопрос о вере:

«Постой... – перебил его о. Христофор. – Если тебе твоя вера не нравится, так ты ее перемени, а смеяться грех; тот последний человек, кто над своей верой глумится. – Вы ничего не понимаете! – грубо оборвал его Соломон. – Я вам говорю одно, а вы другое... – Вот и видно сейчас, что ты глупый человек, – вздохнул о. Христофор. – Я тебя наставляю, как умею, а ты сердисься. Я тебе по-стариковски, потихоньку, а ты, как индюк: бла-бла-бла! Чудак, право...».

О. Христофор, пребывая в нецерковном пространстве и отстраняясь от своего сана (как по поведению, так и по действиям: отец Христофор едет продавать шерсть, занимается торговлей), все равно следует наложенным на него функциям – он наставляет мирянина на путь истины. Брошенные в диалоге с Соломоном фразы (*Я тебя наставляю, как умею, а ты сердисься. Я тебе по-стариковски, потихоньку*) выражают собой дистанцирование от сана: священник говорит не как лицо духовное, церковное, а как человек, желающий добра, и как старый человек, который обладает жизненным опытом, мудростью – и поэтому может поучать.

В последней главе повести есть описание комнаты богоугодного заведения, которое дается через восприятие Егорушки:

«В номерке было прибрано, светло, уютно и пахло о. Христофором, который всегда издавал запах кипариса и сухих васильков (дома он делал из васильков кропила и украшения для киотов, отчего и пропах ими насквозь)».

В отличие от комнаты в доме Мойсея Мойсеича, комната богоугодного заведения пред-

ставлена совершенно по-другому: номинации, обозначающие общую атмосферу, *мрачной и пустой*, сменяются на номинации, которые обладают успокаивающим действием – *светло и уютно*; сменяется и запах пространства, *затхлое и кислое*, и *запах кипариса и сухих васильков*. Е.Е. Жеребцова, анализируя пространство в чеховских произведениях, указывает на то, что «с пространством напрямую связан аксиологический аспект, когда через пространственные описания все чаще проявляется авторская позиция» [5, с. 74]. В данном пространстве еще больше раскрывается мир отца Христофора: в отношении к Егорушке он предстает человеком, которому не чуждо отеческое чувство. Здесь через пространство представлена психологическая составляющая персонажа, складывающаяся из деталей.

Закрытое внецерковное пространство помогает увидеть в священнике не только его сан, но и личность рефлексирующую. В свою очередь, первое соотносится со вторым – например, он читает кафизмы в пространстве природы, молится, совершает крестное знамение:

«Смазавши Егорушку, о. Христофор надел на него сорочку, укрыл, перекрестил и отошел. Потом Егорушка видел, как он молился богу. Вероятно, старик знал наизусть очень много молитв, потому что долго стоял перед образом и шептал. Помолвившись, он перекрестил окна, дверь, Егорушку, Ивана Ивановича, лег без подушки на диванчик и укрылся своим кафтаном».

Как показывает Чехов, отец Христофор проявляет общечеловеческую заботу, при этом не забывая о своем священническом долге. Его характер и проявления чувств не зависят от пространства. В любом месте (степь, дом, богоугодное заведение) священник проявляет себя добродушным, веселым, думающим, желающим помочь другому человеку.

Пространство дома в рассказе «Письмо»

В рассказе «Письмо» представлены два закрытых пространства – дом отца Федора и дом дьякона Любимова. Здесь пространство дома также способствует раскрытию образов персонажей-священнослужителей. Дом отца Федора служит местом, в котором он наставляет дьякона Любимова насчет того, как правильно воспитывать детей:

«А кто же виноват, как не ты? Ты родитель, твое чадо! Ты должен был наставлять, внушать страх божий. Учить надо! Родить-то вы родите,

а наставлять не наставляете. Это грех! Нехорошо! Стыдно! <...> Виноват ты, дьякон, виноват, – сказал он, но уже не так строго и горячо. – Умел родить, умеи и наставить. Надо было еще в детстве его наставлять, а студента подика исправь!».

Здесь реализуется назидательная интенция священнослужителя: он, с одной стороны, порицает, используя эмотивные лексические средства (*Стыдно, нехорошо, виноват, грех*), с другой стороны, наставляет, проявляет свойственный священнослужителям дидактизм, используя лексемы с предикативным значением (*должен был, надо было*). Так, коррелируя порицание с дидактизмом, отец Федор подкрепляет свою назидательную речь отсылкой к одному из главных христианских концептов – греху, тем самым усиливая эффективное воздействие назидательной интенции.

В рассказе «Письмо» поднимается проблема отцов и детей, которая освещается не только с религиозно-философской точки зрения, но и с социально-воспитательной:

«Да разве я не наставлял, о. Федор? Господи помилуй, разве я не отец своему дитю? Сами вы знаете, я для него ничего не жалел, всю жизнь старался и бога молил, чтоб ему настоящее образование дать. Он у меня и в гимназии был, и репетиторов я ему нанимал, и в университете он кончил».

Второе пространство этого рассказа – дом дьякона – способствует раскрытию мира отца Анастасия. Если в доме отца Федора он представлен никчемным, порочным, то в доме дьякона отец Анастасий показан с иной стороны. Он говорит:

«Беда, дьякон, – вздохнул он, видимо борясь с желанием выпить. – Беда! Во гресех роди мяматти моя, во гресех жил, во гресех и помру... Господи, прости меня грешного! Запутался я, дьякон! Нет мне спасения! И не то, чтобы в жизни запутался, а в самой старости перед смертью...».

Данный фрагмент показывает, что отец Анастасий пребывает в глубоком эмоциональном потрясении – он осознает свою греховность, предчувствует скорую кончину. Здесь уже реализуется исповедальная интенция, которая усиливается за счет эмотивного предложения (*Нет мне спасения!*), представляющего некий вердикт жизни.

В этом пространстве раскрываются истинные ценности священника. Несмотря на то, что он

пьет, отлучен от службы, венчал за деньги недозволенные браки и продавал приезжавшим к нему из города чиновникам и офицерам свидетельства о говении, в нем осталась та добродетель и то понимание морали, которое свойственно христианину, тем более – священнослужителю:

«Когда жил как люди, и горя мне было мало, а теперь, когда образ и подобие потерял, только одного и хочу, чтоб меня добрые люди простили. Да и то рассуди, не праведников прощать надо, а грешников».

Таким образом, первый дом – это пространство назидания, излишней строгости, второй дом – пространство исповеди, добродетели и прощения.

Пространство дома в рассказе «Кошмар»

Пространство дома описано и в рассказе «Кошмар». Здесь представлен образ отца Якова, несчастного, бедного и верного своим добродетельным принципам священнослужителя. Пребывая в доме Кунина, он так же, как и отец Анастасий, раскрывается с другой стороны:

«Совестно! Боже, как совестно! Не могу, гордец, чтоб люди мою бедность видели!».

Гордость не позволяет отцу Якову показывать людям свое бедственное положение. В целом же гордость, присущая его натуре, и бедность, в которой он пребывает, заставляют его страдать, чувствовать угрызения совести, что реализуется в исповедальной интенции. Здесь также есть эмотивное предложение, призванное усилить впечатление (*Совестно!*).

Как показывает исследование, в пространстве дома священнослужители проявляют себя как личности рефлексивные, способные проявлять эмоции, несмотря на свой сан. Как замечает О.И. Логачева, священнослужитель «одновременно и человек, подвергаемый различным искушениям, и пастырь» [6, с. 280]. Чехов выражает «глубокое сочувствие духовным лицам» [4, с. 37], что находит отражение в их эмоциональных репликах.

Пространство дома отца Якова изображено Чеховым более детально (в отличие от дома Кунина), с авторской оценкой и указанием на состояние помещения:

«Дом священника снаружи ничем не отличался от крестьянских изб, только солома на крыше лежала ровнее да на окнах белели занавесочки. Отец Яков ввел Кунина в маленькую светлую комнату с глиняным полом и со стенами,

оклеенными дешевыми обоями <...> Глядя на мебель, можно было подумать, что отец Яков ходил по дворам и собирал ее по частям: в одном месте дали ему круглый стол на трех ногах, в другом – табурет, в третьем – стул с сильно загнутой назад спинкой, в четвертом – стул с прямой спинкой, но с вдавленным сиденьем, а в пятом – расщедрились и дали какое-то подобие дивана с плоской спинкой и с решетчатым сиденьем».

Е.Н. Соколова говорит о том, что в русском понимании дом «находится в неразрывной связи с предметным миром» [9, с. 211]. Пространство дома отца Якова изображается как *маленькая светлая комната с глиняным полом и со стенами, оклеенными дешевыми обоями*. В целом же это пространство характеризуется *скудостью*. Н.А. Арбузова отмечает, что «при изучении лексических средств объективации концепта пространства существительным принадлежит значительная доля» [1, с. 128]. Чехов, перечисляя предметы быта, которые отец Яков получил в дар от соседей, усиливает оценку скудности и бедности, в которой живет священнослужитель.

Пространство дома Кунина создает атмосферу, которая помогает священнослужителю рассуждать на такие темы и затрагивать такие вопросы, которые невозможно было бы обсудить в пространстве церкви. Острые проблемы времени затрагиваются отцом Яковом в диалоге с Куниным:

«Именно, невероятно! Никогда, Павел Михайлович, этого не было, чтоб докторши на реке белье полоскали! Ни в каких странах этого нет! Мне бы, как настырю и отцу духовному, не допускать бы ее до этого, но что я могу сделать? Что?».

Как отмечает Е.А. Гедзюк, «о. Яков действительно стоит перед сложной моральной дилеммой и мучительно переживает сложившуюся жизненную ситуацию» [3, с. 61]. Пространство дома, в свою очередь, способствует такому изображению эмоционального состояния священника.

Пространство дома в рассказе «Архиерей»

В рассказе «Архиерей» описывается внецерковное пространство – дом преосвященного, в котором он проводит свои дни в страдании и одиночестве, в состоянии преломления и экзистенциального кризиса:

«Какой я архиерей? – продолжал тихо преосвященный. Мне бы быть деревенским священ-

ником, дьячком... или простым монахом... Меня давит все это... давит...».

В данном рассказе пространство дома помогает создать ситуацию, которая раскрывает священнослужителя с иной, нецерковной стороны. В своем доме даже архиерей, человек, имеющий высший церковный сан, не в состоянии справиться с муками, главным образом, душевными. Именно дома он анализирует свою жизнь, многое вспоминает, мечтает о том, что могло бы быть. Дом здесь становится некой квинтэссенцией всевозможных человеческих ощущений, переживаний, мыслей, которые сопутствуют образу преосвященного Петра, что, в свою очередь, позволяет говорить уже о системе ценностей писателя [10]. В исследовательской литературе, посвященной «Архиерею», «доминирует мнение, что священнослужителя в этом рассказе нельзя рассматривать с точки зрения его статуса» [4, с. 38]. Архиерей, как и другие священнослужители в прозе Чехова, «прежде всего – просто люди и лишь потом – лица церковные» [8].

Пространство дома в рассказе «У предводительши»

В рассказе «У предводительши» действие разворачивается в имении вдовы предводителя Любови Петровны, которая в день св. мученика Трифона собирает у себя гостей:

«Ровно в 12 часов дня гости, вытянув физиономии, пробираются из всех комнат в залу. На полу ковры, и шаги бесшумны, но торжественность случая заставляет инстинктивно подниматься на цыпочки и балансировать при ходьбе руками. В зале уже все готово. Отец Евмений, маленький старичок, в высокой полинявшей камиллавке, надевает черные ризы. Диакон Конкордиев, красный как рак и уже облаченный, бесшумно перелистывает требник и закладывает в него бумажки. У двери, ведущей в переднюю, дьячок Лука, надув широко щеки и выпучив глаза, раздувает кадило. Зала постепенно наполняется синеватым, прозрачным дымком и запахом ладана. Народный учитель Геликонский, молодой человек, в новом мешковатом сюртуке и с большими угрями на испуганном лице, разносит на мельхиоровом подносе восковые свечи. Хозяйка Любовь Петровна стоит впереди около столика с кутьей и заранее прикладывает к лицу платок. Кругом тишина, изредка прерываемая вздохами. Лица у всех натянутые, торжественные...».

Отец Евмений и диакон Конкордиев являются гостями этого дома, которые должны провести обряд – панихиду. В данном пространстве совершаются два действия – панихида и застолье-завтрак. Чехов, описывая гостей, обращается к такому средству, как синтаксический параллелизм: каждому субъекту пространства дается характеристика внешности, действий.

Чехов точно и тонко воссоздает ту обстановку, которая соответствует атмосфере в церкви при совершении обряда панихиды:

«Мотивы все печальные, заунывные... Гости мало-помалу настраиваются на меланхолический лад и задумываются. В головы их лезут мысли о краткости жизни человеческой, о бренности, суете мирской... Припоминается покойный Завязтов, плотный, краснощекий, вытывавший залпом бутылку шампанского и разбивавший лбом зеркало».

Панихида, совершаемая в пространстве дома, характеризуется лексическими средствами – эпитетами, которые призваны не только окунуть человека в атмосферу религиозного ритуала (*мотивы все печальные, заунывные, меланхолический лад*), но и погрузить его в мысли о вечном. Чехов использует развернутую метафору, чтобы показать искренние чувства людей, которые задумываются об онтологических вопросах, несмотря на то, что данный христианский обряд проводится вне церкви: *в головы их лезут мысли о краткости жизни человеческой, о бренности, суете мирской.*

Церковь не поощряла проведение обрядов вне церкви, если не было уважительных причин для этого. Чехову удалось передать весь тот антураж, который сопровождает церковную панихиду. В этом случае на первое место выходит не само пространство, а те действия, которые в этом пространстве разворачиваются. Если в рассказах «Кошмар» и «Архиерей» акцент делается на внутреннем состоянии священников, находящихся в пространстве дома, то здесь выделяется именно церковно-религиозная составляющая мира священнослужителей.

Список литературы

1. Арбузова Н.А. Отражение пространства в языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2019. № 13. С. 126–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-prostranstva-v-yazyke> (дата обращения: 27.12.2020).

2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры. 2001, 288 с.

Заключение

По мнению А. Вежбицкой, слова, обозначающие дом, «отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления» [2, с. 114]. В прозе Чехова пространство соотносится с образом мыслей, соответственно, с поступками и поведением персонажей, что и демонстрируют чеховские священнослужители. Пространство отражает их внутреннее состояние. Британский исследователь S. Theriault пишет, что Чехов «avoids depicting the minds of his characters, instead letting the characters' mood or feeling communicate their inner state» (перевод: избегал изображать мысли своих героев, вместо этого позволяя настроению или чувству персонажей передать их внутреннее состояние. Перевод мой – Э.М.) [11]. Действительно, в пространстве дома священнослужитель показан с глубиной психологизма, раскрывающего как пороки времени, так и общечеловеческие вечные вопросы бытия.

Таким образом, внецерковное закрытое пространство – дом, в который Чехов помещает священнослужителя, имеет ряд функций, раскрывающих мир этого священнослужителя:

- 1) показать его с другой стороны, без следования правилам, которые диктует ему сан;
- 2) раскрыть социальный фактор его существования;
- 3) представить эмоциональное либо физиологическое состояние, обнажить натуру, то есть показать человека рефлексирующего.

Помимо этого, внецерковное закрытое пространство имеет еще одну функцию: оно может служить местом проведения религиозного ритуала, православного обряда, тем самым замещая пространство церкви. Однако, в свою очередь, священнослужители, находясь в пространстве дома, не забывают о своих функциях, о христианских ценностях и понятиях (например, о вере – отец Христофор, о спасении – отец Анастасий, о грехе и стыде – отец Федор, о совести – отец Яков), несмотря на свое физическое, эмоциональное либо социальное дестабилизированное состояние.

3. Гедзюк Е.А. Рассказ А.П. Чехова «Кошмар» в свете литературной трансформации библейских сюжетов // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 58–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-a-p-chehova-koshmar-v-svete-literaturnoy-transformatsii-bibleyskih-syuzhetov> (дата обращения: 23.12.2020).
4. Гнусова И.Ф. Образ священнослужителя в прозе А.П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н.С. Лесков и Дж. Элиот) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 34–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svyaschennosluzhitelya-v-p> (дата обращения: 12.01.2021).
5. Жеребцова Е.Е. Символика и аксиология художественного пространства прозы А.П. Чехова // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 11. С. 70–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-i-aksiologiya-hudozhestvennogo-prostranstva-prozy-a-p-chehova> (дата обращения: 11.01.2021).
6. Логачева О.И. Именования священнослужителей в прозе А.П. Чехова // Вестник Тверского государственного университета. 2016. № 3. С. 278–283. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26674631> (дата обращения: 10.12.2020).
7. Морозова Н.Н. Выражение пространственных отношений в когнитивной семантике // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 353–363. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-prostranstvennyh-otnosheniy-v-kognitivnoy-semantike> (дата обращения: 08.02.2021).
8. Ранчин А.М. Просто люди. Священнослужители в произведениях А.П. Чехова. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39003.php> (дата обращения: 18.01.2021).
9. Соколова Е.Н. О концепте «дом» в русской и английской культурах // Вестник МГЛУ. 2018. № 8. С. 209–215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsepte-dom-v-russkoj-i-anglijskoj-kulturah> (дата обращения: 12.01.2021).
10. Swift M.S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov // Middlebury Studies in Russian Language and Literature. Peter Lang, New York and Oxford, 2004. 196 p.
11. Sawyer A. Theriault. Anton Chekhov and the Development of the Modern Character // Inquiries journal. 2009. Vol. 1. № 11. URL: <http://www.inquiriesjournal.com> (дата обращения: 08.09.2020).

Статья поступила в редакцию 21.03.2021 г.; одобрена после рецензирования 27.04.2021 г.; принята к публикации 12.05.2021 г.

Об авторе

Манукян Эдгар Георгиевич

аспирант, Южный федеральный университет (344011, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Эстонская, 49а), edgar.loveme@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Arbuzova N.A. Otrazhenie prostranstva v yazyke [Reflection of space in language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 2019, no. 13, pp. 126–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-prostranstva-v-yazyke> (accessed 27.12.2020). (In Russ.).
2. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow, 2001, 288 p. (In Russ.).
3. Gedzyuk E.A. Rasskaz A.P. Chekhova «Koshmar» v svete literaturnoi transformatsii bibleiskikh syuzhetov [A Chekhov's story "Nightmare" as a literary transformation of biblical plots]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* = Bulletin of the Moscow Region State University, 2018, no. 1, pp. 58–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasskaz-a-p-chehova-koshmar-v-svete-literaturnoy-transformatsii-bibleyskih-syuzhetov> (accessed 23.12.2020). (In Russ.).
4. Gnyusova I.F. Obraz svyashchennosluzhitelya v proze A.P. Chekhova v kontekste russkoi i anglijskoi traditsii (N.S. Leskov i Dzh. Eliot) [The character of the clergyman in A.P. Chekhov's prose in the context of Russian and English literature tradition (N.S. Leskov and George Eliot)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2015, no. 401, pp. 34–40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svyaschennosluzhitelya-v-p> (accessed 12.01.2021). (In Russ.).
5. Zhrebtsova E.E. Simvolika i aksiologiya khudozhestvennogo prostranstva prozy A.P. Chekhova [Symbolism and axiology of the artistic space of Chekhov's prose]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2000, no. 11, pp. 70–82. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-i-aksiologiya-hudozhestvennogo-prostranstva-prozy-a-p-chehova> (accessed 11.01.2021). (In Russ.).
6. Logacheva O.I. Imenovaniya svyashchennosluzhitelei v proze A.P. Chekhova [Priests naming in Chekhov's prose]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2016, no. 3, pp. 278–283. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26674631> (accessed 10.12.2020). (In Russ.).
7. Morozova N.N. Vyrazhenie prostranstvennykh otnoshenii v kognitivnoi semantike [The expression of spatial relations in cognitive semantics]. *Prepodavatel' XXI vek* = Prepodavatel XXI vek, 2015, no. 4, pp. 353–363. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-prostranstvennyh-otnosheniy-v-kognitivnoy-semantike> (accessed 08.02.2021). (In Russ.).

8. Ranchin A.M. Prosto lyudi. Svyashchennosluzhiteli v proizvedeniyakh A.P. Chekhova [Just people. Clergymen in Chekhov's works]. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39003.php> (accessed 18.01.2021). (In Russ.).
9. Sokolova E.N. O kontsepte "dom" v russkoi i angliiskoi kul'turakh [On concept "home" in Russian and English cultures]. *Vestnik MGLU* = Vestnik of Moscow State Linguistic University, 2018, no. 8, pp. 209–215. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsepte-dom-v-russkoy-i-angliyskoy-kulturah> (accessed 12.01.2021). (In Russ.).
10. Swift M.S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. *Middlebury Studies in Russian Language and Literature*. Peter Lang, New York and Oxford, 2004, 196 p. (In Eng.).
11. Sawyer A. Theriault. Anton Chekhov and the Development of the Modern Character. *Inquiries journal*, 2009, vol. 1, no. 11. Available at: <http://www.inquiriesjournal.com> (accessed 08.09.2020). (In Eng.).

The article was submitted 21.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

About the author

Edgar G. Manukyan

Postgraduate Student, Southern Federal University (49a, Estonskaya Str., Rostov-on-Don 344011, Russian Federation), edgar.loveme@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.